

Александр Расев

Убийца 20 лет назад

Детективная история

Александр Михайлович Расев

Убийца 20 лет назад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24607316

Аннотация

Ироничный детектив – весьма своеобразный жанр для этой небольшой книги. Её действие происходит в разных временных пластах. Какие-то события вполне современные, какие-то – из конца 40-х – начала 50-х годов. Основная сюжетная линия развивается в начале 80-х.

Костик совсем молод, он только что окончил школу и в ожидании призыва на военную службу устроился работать на завод.

Костик живет с больным отцом. И вот однажды он обнаруживает, что отец пропал. Впрочем, поиски были недолгими, Костик нашел отца в больнице. Чтобы выполнить его поручение, парень едет в Ленинград. Эта поездка позволила открыть множество семейных тайн.

Александр Расев

Убийца двадцать лет назад

Иронический детектив

Глава 1.

1.

Я лежал на боковой полке в плацкартном вагоне, читал Булгакова, переплетенный, плохо отпечатанный на машинке экземпляр "Мастера и Маргариты", жевал печенье и был, в общем-то, вполне доволен судьбой. Отец выздоравливал, я, сказав на работе, что отец в больнице, и что мне нужно несколько дней за свой счет, неожиданно оказался свободен.

Инесса Степановна была очень рада, что все обошлось, пожелала мужества и терпения и отпустила.

Я ехал в Питер. Меня привлекала возможность увидеть, наконец, Ленинград, погулять по его улицам, вообще оторваться от мутной и однообразной жизни в маленьком городке.

На каком-то из полустанков я вышел покурить в тамбур. В открытые двери вагона видны были приспущенный флаг на здании вокзала, привязанный к его древку черный бант, из репродуктора продолжала звучать симфоническая музыка, между колоннами вокзала, закрыв, видимо, большое ок-

но, висел портрет старого человека, тяжелым взглядом провожающего проходящих или проезжающих мимо.

На перроне было непривычно пусто, только прогуливались два милиционера, лениво поглядывая на наш состав, да местная собака, облезлая и хромая на заднюю лапу, неспешно пробегала вдоль вагонов, ожидая, видимо, когда кто-нибудь бросит кусок хлеба, кость или еще что съедобное. Я свистнул, собака остановилась и подняла на меня грустные глаза. Она мало верила в то, что я что-то брошу ей в пасть, просто стояла и смотрела. Как на зло, печенье осталось в сумке, и я опрометью бросился к своей полке.

Каково же было мое удивление, когда я увидел свою сумку в руках грузного мужчины с короткой седоватой бородкой и большой лысиной на затылке. Он неспешно перебирал уложенные вещи, прощупывал рубашки и белье, явно пытаясь что-то найти.

– А что вы делаете с моими вещами? – я спросил хотя и не очень громко, но достаточно выразительно.

Сыщик даже не вздрогнул. Он закрыл сумку, прикинул ее вес в поднятой руке и протянул мне.

– Мало ли что бывает. Вот ты ушел, а сумка упала. Вдруг что разбилось или еще что.

Бородатый смотрел на меня спокойно и насмешливо.

– Ничего не разбилось? Все в порядке? – я даже не смягчил издевательского тона.

– В порядке.

– А если я проводника позову?

– Так зови. Только ни к чему это. Видишь, в стране неспокойно, всего ожидать можно. Особенно от таких, как вы, мелюзга. Распустили вас, книжки всякие, волосы длинные, оральники кругом, тьфу. Ты вот сумку бросил, и ходу, а там, может, листки всякие. Не-е-ет, порядок нужен, порядок. К ответу призвать меня можно, если вдруг пропало что. А я сумочку смотрел не прячась, вот, все видели – в карман ничего не клал, под матрац не совал. Все, что было, – все здесь и осталось.

Я взял вещи и закинул на полку. Поднимать шум, что-либо доказывать желания не было никакого. К тому же воровать в сумке было нечего – пара рубашек, трусы с майкой да носки – вот и все имущество. Деньги лежали во внутреннем кармане пиджака, книга была в руках.

Поезд давно перестукивал колесами на стыках. Я подумал, что вот, собака меня не дождалась, наверное, просто опустила морду и затрусила к вокзалу. Что ж, ничего не поделать, не я первый ее обманул, не я последний.

Почему-то эта печальная собака долго не выходила из головы. Уже совсем стемнело, в окна ничего не было видно, кроме черных кустов, да придорожных столбов. Умиротворяющее настроение, с которого началось путешествие, испарилось полностью. Я даже подумал, как было правильно не брать с собой отцовские листки. Черт его знает, что искал у меня этот бородатый. И что мне грозило, если бы нашел. Во

всяком случае, ничего хорошего ждать не приходилось.

О диссидентской литературе я знал мало. Читать же не читал вовсе. Мой "протест против советского бытия" вполне умещался в пленки с хриплым голосом Высоцкого, да в пару книжек Аксенова, спрятанных на книжной полке. Конечно, я слышал фамилии Солженицына, Даниэля, Бродского, Галича. Даже читал однажды выданный мне на ночь "Один день Ивана Денисовича", но никаких особых эмоций из этого чтения не вынес. Мир вокруг был полон совсем других интересов.

Мне вообще казалось глупостью, если не безумием, ставить под угрозу собственную жизнь и жизнь своих близких, а то и просто чужих людей из-за каких-то листков с нацарапанными на них строчками. Тем более странной оказалась для меня сегодняшняя ситуация.

Я бы, наверное, никуда не поехал, если бы не отец. Когда я пришел к нему в больницу вчера вечером, первое, что он спросил, когда я еду и купил ли билет. Я попытался узнать хоть что-то подробнее, но отец упорно ничего не хотел отвечать. Он косился на соседей по палате, закрывал глаза, всем видом показывая, что устал. Словом, мне ничего не удалось от него добиться.

И вот я сел в поезд и отправился в Питер. Мне нужно было встретиться с кем-то, находящимся в квартире по нацарапанному Игорем адресу, рассказать о болезни отца, попросить ничего не присылать и... все. А дальше – помотаться

пару-тройку дней по городу и вернуться назад. Все это мне не нравилось, но, в конце концов, подумал я, не так уж и сложно сделать то, что просят, а потом, приехав, разузнать подробнее, что к чему.

Конечно, у меня была и еще одна, своя тайная цель поездки. Может быть, именно из-за нее я и согласился так легко. Но об этом разговор особый.

Вчера, уже поздно вечером, когда я остался один, проводив Гарику и Наталью, в дверь позвонили, и пришла тетя Катя. Я перед этим, еще днем, забежал к ней и рассказал, что отец в больнице, но вроде как ничего страшного. И вот она пришла, как мне казалось, узнать подробности. Разговор именно с этого и начался – как да что, не надо ли чего, я сказал, что отец просит съездить в Питер, и что вот собираюсь завтра. Тут тетя Катя тяжело вздохнула, повернулась к окну, мне показалось, что глаза ее блеснули слезой.

– Просит, значит, – сказала она дрогнувшим голосом.

– Ну да. Только не понимаю я, зачем.

– Есть, наверное, причина.

– Какая? Вы что-то скрываете от меня, тетя Катя. Не пора ли рассказать, а?

Я поставил на стол чайные чашки, насыпал в вазу печенье (от Натальиногo визита осталось), включил газ.

– Что чай, – неожиданно махнула рукой тетя Катя и достала из кармана водку.

У меня глаза вылезли из орбит. Похоже, все задались це-

лью спойть бедного Костика. Но делать нечего, открыл холодильник.

– Ты не пугайся, Костик. Много пить и не надо. Но по рюмочке не помешает.

Тетя Катя протерла рюмки и разлила спиртное.

За что мы пили, сказано не было. Уже после второй (мне налили чуть меньше половины рюмочки), она спросила:

– Отец что-нибудь рассказывал о матери и ее новом муже?

– Нет. Почти ничего. А после похорон, пожалуй, и вообще на эту тему не говорил.

Она удовлетворенно кивнула головой, поставила рюмку на стол, отломил кусок хлеба, помолчала какое-то время и начала рассказывать

Твой отец очень любил маму. Твою маму. Иначе бы не женился. Ты знаешь, у нас с ним в молодости был роман. Андрей парень был что надо, а уж красавец! Я была страшно влюблена в него! А потом появилась Мария. Собственно, не появилась, а всегда была. Мы учились в одном классе, все трое. Но Маша жила отдельной, своей жизнью. Как же, отец герой войны! Приходил к нам в класс и рассказывал о своих подвигах. А у нас... У меня отец инвалид и пьяница беспробудный, у него и вообще без вести пропал. Тебе бабка рассказывала о деде?

– Немного.

– Ну, так вот... Потом Андрей ушел в армию, а оттуда укатил то ли на целину, то ли еще куда. Я тогда все надея-

лась, ждала, письма писала, он иногда отвечал, но так, подружески. Как-то назло написала, что замуж выхожу, думала, придет. Нет, прислал открытку поздравительную.

Она замолчала, вспоминая о чем-то, или, может быть, просто уйдя на какое-то время в свою юность. Я не торопил и не мешал. Водку больше не разливали, чайник давно остыл, еда осталась нетронутой.

Мы сидели долго. Она ушла уже под утро, печально опустив плечи. А я остался с новой для меня информацией. Что с ней было делать, я не знал, рассказывать никому не хотелось. Я лег на диван, выключил свет и заново пережил все, рассказанное подругой отцовской юности.

Отец и мать (дополнительная глава)

Начало

После того, как Андрей прислал своей школьной невесте (а их иначе, чем "жених и невеста" никто не называл) открытку к придуманной ею свадьбе, Катя решила поехать к нему сама. Собрать вещи было несложно, вещей-то платок да платье. Труднее оказалось найти денег. Все, что приходило в дом, пропивал отец. Он был без обеих ног, катался на деревянной тележке и с самого утра курсировал между пивными ларьками. Мать зарабатывала мало, и жили они кое-как. Правда, дочь школу закончила без троек. Дальше дорога была одна – ремесленное училище да завод. Может быть,

будь Андрей рядом, эта перспектива не приводила бы в отчаяние – так жило полгорода. Но сейчас сама мысль о вечно дымящем химическом монстре ужасала. И она надумала уехать. Навсегда. Правда, возникало серьезное препятствие – деньги.

Катя хотела попросить займы, хотя бы немного. Да у кого? Соседи жили не лучше их, голь перекатная. К совсем незнакомым людям не пойдешь: "Дайте, пожалуйста, денег к жениху уехать"?

Неожиданно помог случай. Как-то утром мать послала дочь с бельем к постоянному заказчику, директору торговой базы. Его жена не умела, да и не хотела уметь, стирать, гладить, штопать. Мать с радостью брала работу, делала все старательно и вот уже не первый год была как бы их "надомной домработницей".

В этот раз отец совсем загулял, ночью приехал пьяный на своей "тарантелке", что-то кричал, бил посуду, а когда мать кинулась прятать чашки да тарелки, досталось и ей. Инвалид он хоть и был инвалид, но силу в руках имел удивительную. Да и как не быть силе, когда целый день толкал свою тележку. Идти в дом к порядочным людям с синяками мать не хотела, послала Катерину.

Большой дома в четыре этажа был рядом, всего-то через пару-тройку дворов. Катя быстро нашла нужный подъезд и побежала по лестнице. Ей нужен был третий этаж. На площадке ее остановили двое парней.

– Куда летим, красавица? Посто́й с нами.

– Некогда мне, – ответила "красавица" и побежала было дальше, но парень, что почернее, поймал ее за руку.

– Посто́й, тебе говорят!

Катя остановилась. Наверное, нужно было кричать, звать на помощь, но она не стала, ей же пока ничего не делают.

– Молодец, что не кричишь, – хохотнул белобрысый. – Мы не страшные. Мы веселые. Пиво будешь?

Парень протянул бутылку, но Катерина шарахнулась в сторону. Черный зацокал языком:

– Ай-яй-яй! Простите, пожалуйста. Дама не пьет пиво. Дама пьет лимонад и шампанское. Простите-извините. Но мы исправимся. Мы угостим даму шампанским. Угостим? – спросил он приятеля, тот радостно кивнул.

Кате стало страшно. Но кричать она опять же не решилась: в руках у чернявого сверкнул нож. Он прижался своим лицом к ее лбу и зашипел:

– Слушай, сейчас пойдешь с нами. Здесь рядом, квартир-ка вон чуть ниже этажом. И не рыпайся, живо поцарапаю. Поняла?

Замирая от страха, Катя продолжала одной рукой цепляться за перила, пытаясь вырвать вторую из крепких и потных пальцев.

– Я сказал, не трепыхайся! – Нож промелькнул перед самими глазами. Она зажмурилась и вдруг почувствовала, как чужие руки шарят по ее телу, пытаясь забраться под платье,

в лифчик. От ужаса и отвращения Катерина закричала что есть мочи, но парень моментально зажал ей рот.

– Молчи, сука!

Наверху стукнула дверь. На лестнице стали слышны шаги. Парень притих, но Катерину не отпустил. Только рука из лифчика выскользнула и мертвой хваткой вцепилась в плечо, да шепот сверлом вошел в ухо:

– Пикнешь, пришью, курва.

Она ощутила, как нож проколол платье и задел бок.

"Ну и пусть, пусть убьет, пусть зарежет, мелькнуло в голове, только бы не эти руки, не позор, не отвращение". Вспомнив, как однажды учил отец, она согнула в колене ногу и со всего маху ударила туфлей стоящему сзади парню между ног. Попала, видимо, как раз куда следует, потому что тот взвыл и ослабил хватку. Этого хватило, чтобы вырваться и с криком "Помогите!" броситься вверх по лестнице.

На ее счастье навстречу спускался милиционер. Это был участковый, проводивший обход квартир с неизвестно уж какой целью. Катерина бросилась к нему и залилась слезами.

Потом, когда она выходила из участка, к ней подъехал на машине полный и совсем лысый гражданин и очень вежливо представился отцом одного из парней, как раз чернявого. Он долго вздыхал, что-то говорил о непутевом сыне, о матери, которая не переживет горя, о своей работе, просил никуда больше не ходить, а он все устроит сам и на прощанье сунул конверт. Когда машина уехала, она открыла конверт,

там оказались деньги. Этого было вполне достаточно, чтобы купить билет и на следующее утро Катя уехала из города.

2.

Бородатый, повернувшись к сидящей рядом тетке в черном платье и простых чулках темно-коричневого цвета на толстых ногах, начал рассуждать о том, что вот, скоро все изменится. Новый руководитель наведет порядок, всех прижмут к ногтю, всех научат жить правильно и честно, работать, а не шляться по улицам. Тетка тяжело вздыхала и согласно кивала головой.

– И Сталина в мавзолей перенесут, это точно. Об этом объявят скоро. – Бородатый заговорщески подмигнул мне.

– Так он же в могиле, сгнил уж, небось, – буркнул я неизвестно для чего. И тут же поплатился за это.

– Что?! Сгнил?! Кто?! Сталин – сгнил? Ах ты, щенок! Да он как святые в монастырях лежит, чистый и светлый. Его, прежде чем закопать, специальными растворами обрабатывали три года. Ему и через сто лет ничего не будет! И через двести. Это Хрущ ваш сгнил, как падаль! – Бородатый разошелся, тряс руками, брызгал слюной вокруг, махал кулаком. Окружающие притихли, разговоры смолкли, кто-то повернулся в нашу сторону, кто-то, наоборот, делал вид, что ничего не происходит, уткнувшись в газеты и книги.

Сталинский защитник бушевал еще долго, но я молчал,

решив претерпеть все до конца, но ни во что больше не вмешиваться.

Только все успокоилось, в вагон вошли три милиционера в сопровождении проводника и попросили всех приготовить документы. Пассажиры заворочались, доставая сумки, где-то заплакал ребенок, у кого-то с верхней полки упал пакет. Милиционеры, не торопясь, двигались вдоль вагона, просматривая паспорта, какие-то справки, что-то спрашивая, изредка открывая блокноты и делая только им понятные отметки.

Очередь дошла до нашего "купе". Я протянул свой паспорт (еще совсем новый, не затертый и не замызганный). Молодой милиционер равнодушно скользнул глазами по паспорту, небрежно перелистав его, почти не глядя, поднял глаза на меня, удовлетворенно кивнул головой и протянул документ. В это время вмешался бородатый сталинист.

– Товарищ милиционер, а вы уверены, что это его паспорт? Может, он и не тот совсем, за кого себя выдает? Вы бы посмотрели внимательнее, пристальнее, – он даже встал и прижался лицом к милицейским погонам.

– А что? Что-то не так? – равнодушно спросил милиционер.

– Не так. Не так. Чует мое сердце, не наш он. Не наш.

– Иностранец что ли?

– Да нет, какой иностранец, оболтус и все. Только не наш он. Вы понимать это должны. Вам порядок скоро наводить

надо будет. Всюду, везде. Вот с них и надо начинать. С этих, волосатых. Уж больно самостоятельные, не боятся ничего, не уважают никого.

Молоденький милиционер смотрел на говорившего с интересом, но ко мне, как видно, претензий не имел. Он какое-то время помолчал, потом повернулся к бородатому лицом и холодно спросил:

– Ваши документы? У вас есть документы?

Бородатый вздрогнул, как от удара, но лица от погон не отнял.

– Так где ваши документы?

И тут произошла странное. Бородатый вдруг неожиданно стал оседать на пол, увлекая за собой милиционера. Тот, видимо растерялся, оглянулся в сторону уходящих сослуживцев, но ничего сказать не успел. Я даже не понял, что случилось – милиционер вдруг охнул и размяк, а бородатый, столкнув его с себя, встал, вытер о штаны и рубаху нож и снова, как ни в чем не бывало, сел на полку.

Тетка истерически завизжала, я слетел с полки и кинулся к милиционеру, в вагоне закричали, двое уходящих стражей порядка, выхватив пистолеты, уже бежали в нашу сторону, проводник, белее мела, остался у бачка с кипятком.

Мне показалось, что молодой милиционер еще жив, что он то ли дышит, то ли стонет. Я закричал: "Врача! Врача!", а бородатый продолжал спокойно сидеть. Он даже не бросил нож и, видимо, поэтому милиционеры остановились в

полушаге от него. Один из них навел оружие на бородатого и рявкнул во все горло:

– Брось нож! Нож брось, сука!

Бородатый вроде и не слышал. Он сидел, как сидел, покачивая головой и держа руку с ножом приподнятой и направленной в сторону упавшего милиционера.

Я явственно услышал стон под собой и еще громче потребовал врача. Оттолкнув милиционеров, подошла крупная женщина в ситцевом халате с маленькой сумочкой в руках.

– Ну-ка, отойди. Дай посмотрю. – Не обращая внимания на происходящее вокруг, она перевернула раненого и наклонилась над ним. Рана пришлась в левую часть груди, но чуть ниже сердца: парень был жив. Мы стали расстегивать китель, срывая пуговицы, они не поддавались, тогда женщина совершила нечто невообразимое: она повернулась к бородатому и спокойно, как само собой разумеющееся, вынула у него из руки нож и снова занялась кителем. Бородатый оказался безоружным, его сразу скрутили и куда-то увели.

Вскоре унесли и раненого с туго перебинтованной грудью, и, как это всегда бывает, вагон загудел от охов, ахов, чьих-то слез и всеобщих разговоров. Поезд подъезжал к Ярославлю.

Я видел, как с диким воем подлетела "скорая", как забежали врачи и милиционеры, потом вынесли носилки, следом прибыл милицейский УАЗик, и в него посадили бородатого, сопровождаемого двумя охранниками. Только после этого я посмотрел на тетку в черном платье. Она безвольно качала

головой, руки бессильно лежали на коленях, платок сполз. Я снова спрыгнул с полки.

– Вам дать воды? – Не думаю, что женщина меня слышала. Она не открыла глаз и вообще не проявила никаких признаков осмысления происходящего.

– Валерианки бы ей, – прошептала крохотная бабуля, забившаяся в самый угол и выглядывавшая из-за старого черного пальто.

– А у вас есть? – спросил я.

– В сумке. Да сумка там, наверху. Достань, сынок.

Я распрямился и стал осматривать багаж на верхней полке. Там было три тюка, чемодан и маленькая коричневая сумка, прижатая к окну. Именно ее мне следовало достать, но для этого пришлось бы перевероршить все. Проще было снять чемодан. Я ухватился за ручку, но не тут-то было! Дернул посильнее, чемодан даже не сдвинулся с места. Я уперся ногами в полки, напрягся, вцепился двумя руками и со всей силы потянул на себя.

Удержать чемодан мне не удалось, он грохнулся на пол, открылся, и все его содержимое разлетелось между полками. Это были...

3.

...книги. Темно-коричневые переплеты с барельефом Сталина. Полное собрание сочинений. Куда и зачем везли этот склад? В том, кто был хозяином чемодана, я как-то даже

и не сомневался – бородатый. Да, конечно, именно он и только он мог переть непреодолимый тук с никому не нужной макулатурой через пол страны. Хорошо еще, что эти "манускрипты" никого не задели, а я успел упасть на полку рядом со старушкой.

Прежде всего, нужно было достать капли. Я снял свободно стоящую теперь сумку, а когда бабка достала пузырек, взял стакан и пошел по проходу.

Меня узнавали, провожали любопытными взглядами, прекращали разговоры, уступали дорогу. Я стал на какое-то время вагонной знаменитостью. Не скажу, что это уж вовсе мне не нравилось, но я старался не особенно обращать на себя внимание, решив, что успею в полной мере вкусить прелести славы, когда, вернувшись, в ярких красках обрисую всю историю Гарику да Наталье с Зойкой.

Проводник стоял у своего купе, перебирая какие-то бумаги. Я решил заодно обратиться и к нему, чтобы уточнить судьбу чемодана.

– Чемодан? – Проводник как будто и не понимал о чем речь. – А-а-а... чемодан. А я почему знаю? Пусть лежит себе.

– Но он свалился с полки и, боюсь, замки сломались. – Я набрал воды и собрался идти, но проводник меня остановил.

– Послушайте, молодой человек, вы заварили всю эту кашу, вам и расхлебывать. Упал чемодан? Сам по себе? Скажите, пожалуйста. Лежал-лежал себе и упал. Ты хоть понимаешь, что так не бывает? Нечего лазить по чужим вещам! –

Руки проводника дрожали, голос срывался на высокие нотки. Видимо, он решил излить на меня все чувства, переполнявшие его с самого начала этой истории.

Я молчал, ошарашенный неожиданным поворотом ситуации. Значит, во всем снова оказался виноватым я. Вот славно! Спорить и что-либо доказывать желания не было. Я пожал плечами и пошел.

В нашем купе уже сидела женщина-врач и мерила пульс соседке бородатого. Та, видимо, уже понемногу стала приходить в чувство и тяжело вздыхала. Я поставил стакан и начал собирать книги, укладывая их снова на место.

Господи, носит же их нелегкая! Сидел бы уж дома со своими книгами, – говорила врач громким от возмущения голосом.

Может, ему надо было куда... – тихо, почти неслышно прошептала бабуля.

Да куда ему надо?! Больной он. Псих.

Думала, все... Сейчас прирежет... И Мишеньку не провожу, кровиночку мою, деточку... – заговорила женщина. Говорила она негромко, без выкриков и всхлипов, видимо, не было уже сил на эмоции, из глаз катились слезы, она не вытирала лица, казалось, даже и не замечала ничего.

Али случилось что? – сочувственно спросила старушка.

Мишеньку хоронить еду, внука, единственного, завтра привезти должны, а тут этот, с ножом... Как же, думаю, не увижу его? Не провожу? Ведь со мной он был всегда, с само-

го детства. Привезли малехоньким... – она замолчала, врач достала из сумки пузырек с нашатырем, накапала валерианки.

Я закончил сбор книг, но затаскивать саквояж на третью полку уже не пытался, просто задвинул его, насколько возможно, под стол.

Сынок, а ты попей вот. Компотик у меня с собой есть, домашний. – Бабуля достала молочную бутылку, закрытую крышкой и перевязанную марлей. – Со своего огорода ягоды, одна к одной. Не знаю, насколько еще хватит сил его обхаживать. Болею часто. А молодым ничего не надо. Да и когда им, все дни на работе, а в выходные то дела какие, а то и отдохнуть охота. Это мы жизнь прожили и не знали, что за отдых такой.

А вам сколько лет? – повернулась к бабушке врач.

Семьдесят восемь. Всего повидала. Всего. И войны все. На первой отца убили. Мне тогда едва одиннадцать исполнилось, а я старшей в семье была – еще четыре сестры мал, мала меньше. А в гражданскую мамку повесили. Как выжили, сама не знаю. Все в огороде в погребке прятались. А потом голодали, милостыню просили...

Я отлил из бутылки компота, пил его маленькими глотками, и слушал. Поезд нес нас по ночной дороге, за окнами изредка мелькали огни, но чаще было просто темно, в окна бил дождь, наверное, там было холодно и неудобно. А, собственно, как еще может быть в ноябре в центре России? Да

и не только в ноябре...

А потом вроде как-то наладилось все. В город перебрались, я работать стала. Да какая работа – мыть, стирать, убирать, пока на завод не попала. Там уж покидала, полопатила... – бабушка продолжала свой рассказ неторопливо, спокойно и без слез. – Замуж вышла в 28ом, дети родились, два сына. Муж хороший был, хоть и попивал иногда, но нас любил, не обижал никогда. А в 37ом его посадили. Только дочка родилась. За что? Кто их знает. Шофер он был. Может, сказал что не то, может, еще что. Кто ж скажет? Белугой ревела, кровь из глаз шла. Так больше и не увидела Васеньку моего. В войну оба сына на фронт ушли. Один калекой вернулся, без ноги, на культе, и рука плетью висела, а второй... Второго не дождалась. Похоронку прислали уж в самом конце, в сорок пятом. Где-то в Германии погиб. А потом, в пятидесятом, и инвалидик мой умер. Замерз. Все говорили – по пьянке, а он и не пил совсем. Пошел с друзьями по лесу погулять, они вернулись, он – нет. Чуть не неделю искали, нашли. Отстал сыночек от друзей, а они посчитали, что домой он повернул. Что дальше было – не знаю. Нашли уж мертвого, зверями обглоданного. Вот так...

Она замолчала, разглаживая морщинистыми руками подол своего темного шерстяного платья. Врач ушла, наша больная, выпив валерианки, лежала, отвернувшись к перегородке. Улегся на свое место и я.

Отец и мать (дополнительная глава)

Продолжение

Встретиться тогда с Андреем Кате не удалось. По тому адресу, который был на последнем письме, он не работал. Бригаду перевели на новое место, и никто не мог, или не хотел, сказать точно куда. Она не стала ездить за ним по всей стране. Это было и глупо, и странно, да и денег таких не было. Те, что заплатил ей отец чернявого подонка, как-то быстро подошли к концу. Катерина решила остаться в небольшом городке в глубине Сибири хоть на какое-то время, да так и прижилась. Домой вернулась уже лет через шесть, когда умер отец, а мать слегла в больницу с какой-то сложной болезнью желудка.

Андрея встретила сразу же. Еще подходя к подъезду, увидела, как он выносит коляску и бережно укладывает в нее завернутого в одеяло ребенка. На какой-то миг остановилась, чтобы перевести дыхание. Андрей повернулся, и глаза их встретились.

Ну, здравствуй, – тихо сказал он, – приехала. А мы вот, – он кивнул на коляску, – гуляем.

Дочь? – спросила Катя.

Сын. Сынище.

Весь в папу?

По-моему, лучше, – Андрей смущенно засмеялся. – А ты как, насовсем? И почему одна?

Не знаю пока, – ответила Катерина и, прервав беседу, убежала в подъезд.

С тех пор они часто встречались, разговаривали, иногда вместе гуляли, проводя "воздушный моцион" для младенца. Но отношения их были дружескими, только дружескими.

Когда Костику исполнился год, Катя вышла замуж. Ее избранник был высоченным, под два метра, баскетболистом, веселым и жизнерадостным парнем. Они познакомились на какой-то вечеринке, он пошел ее провожать, потом пригласил в кино, потом еще, еще... В итоге они расписались.

К тому времени Катерина осталась одна – мать умерла, промучившись от нестерпимых болей не один месяц. Все хлопоты с похоронами Андрей и Дмитрий делили пополам, они вместе привезли гроб, выкопали на кладбище могилу, потом помогали на поминках, носили водку, ездили на рынок за продуктами, да мало ли что еще, но, как оказалось, почти не общались.

Они не любили друг друга. Катерина потом все пыталась объяснить своему Димуле, что Андрей просто друг, что он живет своей семьей, что ничего у них быть не может. Тот кивал головой, не возражал, вообще никак не комментировал, но к Андрею в гости не ходил, а когда он появлялся в их с Катей квартире, уходил по каким-то срочным и неотложным делам.

А Мария расцвела. Она и в школе была ярче одноклассниц, а рождение ребенка превратило ее просто в красавицу.

Она располнела, но не стала толстой, копна черных волос неожиданно превратилась в ухоженную прическу, движения стали плавными, грудь вздрагивала при каждом вздохе, словом, мужики сходили с ума при каждом ее появлении.

С Катериной у Марии отношения тоже не были ни дружескими, ни враждебными. Она принимала ее в доме, иногда приходила сама, но редко. Никаких женских общений с взаимными вздохами, перемыканиями косточек и прочей чепухой. Только когда Катя забеременела, Маша взяла на себя функции советчика и опекуна, как-никак рожала недавно, а Катерине обратиться было не к кому, не бежать же с каждым вопросом в консультацию. Забота о будущем ребенке, казалось, их сблизила.

Андрей был рад этой дружбе. У него вообще все шло прекрасно. На работе уставал, как черт, но ребят своих, бригаду свою любил, да и платили неплохо. Костик подрастал, становился забавным и очень похожим на отца.

К тому времени и жить стало полегче. После отстранения Хрущева довольно быстро отменили карточки на хлеб, стали появляться продукты, да маленький огород в деревне около красивой, петляющей среди деревьев речки. Что еще надо!

Однажды ночью, когда Андрей, потушив свет и нырнув под одеяло, прижался всем телом к своей красавице, та холодно спросила:

Это от тебя у Катьки ребенок?

От неожиданности Андрей захлебнулся воздухом. Вот уж

чего не приходило ему в голову! Он сначала смеялся, потом ругался, потом говорил спокойно, ничего не помогало. Мир в семье рухнул.

4.

Я проснулся поздней ночью. Нестерпимо хотелось в туалет. Спрыгнул с полки, накинул пиджак, проверив в кармане ли сигареты, и пошел по вагону. Поезд стоял. За окнами было темно, только тусклый фонарь освещал ржавую табличку-указатель на платформе. Туалет был закрыт, решив пока перекурить, я вышел в тамбур.

Шел снег. Ветер стих, деревья стояли темные, но на кустарниках уже лежали белые шапки. Я курил, смотрел в окно, и вспоминал, какими глазами отец провожал меня из палаты. Давно не замечаемое мной чувство нежной заботы читалось в них. Наверное, оно было всегда, только я этого не видел.

Много ли я знал об отце, о его жизни, о том, что в ней было до меня? Да и о том, чем он жил до болезни, имел весьма смутное представление...

Отчаянные позывы организма нарушили лирическое настроение, и я вернулся к туалету. Дверь все еще была закрыта. Пришлось идти через весь вагон в другой конец.

Все спали, было тихо и тепло, даже душно. Я шел по узкому проходу, уворачиваясь от ног, свисавших с верхних по-

лок. Около своего места остановился, чтобы поправить одеяло, сползшее чуть не до пола. Машинально повернул голову и обратил внимание, что женщины, которой вчера мы давали валерианку, на месте не было. Я посмотрел на багажные полки – вещи все стояли на своих местах. Не особенно удивившись этому (мало ли) пошел дальше.

Проводник стоял около своего купе, скручивая желтый флажок. Я кивнул ему головой и дернул ручку туалета. Было закрыто.

А в ту сторону что, дойти трудно? – откомментировал мое движение ворчливый голос.

Там закрыто.

Занято, наверное, подождать бы мог.

Да ждал я. Откройте, пожалуйста, не могу больше.

Нетерпеливые какие, – проворчал проводник, но дверь открыл.

Я юркнул в санузел и щелкнул задвижкой.

Когда я выходил, поезд уже тронулся, вагон покачивало, колеса мерно постукивали. Проводник стоял около бака с кипятком, наливал чай в стакан.

Ты не сердись на меня, – тихо проговорил он, – испугался я сильно. Десять лет езжу, и ничего подобного не случилось.

Да ладно...

Накричал на тебя.

Врач говорит, больной он. А милиционер как, выживет?

Откуда я знаю? Вроде жив был. Стонал, когда несли.

Там потом женщине плохо стало, рядом с ним сидела. Хорошо, что врач в вагоне оказался.

Хорошо. Чаю не хочешь?

Я согласился, мы прошли в его купе, он достал второй стакан, печенье, мы пили чай и разговаривали. Вернее, говорил он, а я соглашался, кивая головой.

Минут через двадцать глаза стали закрываться, я прислонился к стене и почти уснул, когда проводник, тихо похлопав по плечу, сказал, что уже поздно и шел бы я спать.

Добравшись до полки, я снова обратил внимание, что женщины все еще нет. Бабуля подняла голову.

Сынок, – прошептала она, – ее давно уж нет. Не случилось ли чего?

Кивнув головой, что, мол, посмотрю, я пошел к тамбуру. Туалет был все еще закрыт. Пришлось вновь идти к проводнику.

Он уже лег и на мои слова нехотя открыл дверь.

И что ты предлагаешь? Открывать дверь, а вдруг там кто сидит?

Если сидит, откликнется. Говорил же, у нее с сердцем плохо было.

Тьфу ты, черт. – Проводник накинул пиджак, взял ключ и мы пошли по вагону.

Что вы все ходите? – сонным голосом проворчала молодая женщина, прижавшаяся с края нижней полки. Все остальное место рядом с ней занимал ребенок, спавший, раскинув руки

и ноги и открыв рот.

Извините, – прошептал я. Проводник потянул меня за рукав, пошли, мол, и не вступай ни в какие разговоры, тише будет.

Туалет все еще был закрыт. Проводник дернул за ручку, постучал костяшками пальцев. Тишина. Он дернул сильнее. Снова ничего. Пришлось использовать ключ.

Когда дверь открылась, мы увидели, что женщина сидела на унитазах, откинувшись к окну, глаза ее были закрыты, платок сполз, одна рука лежала на поручне, другая – на воротах платья.

Вот дьявол! Умерла, что ли? – дрогнувшим голосом спросил проводник. Я пожал плечами. – Врача надо.

Надо конечно, но я понятия не имел где ее искать. Пошел по вагону, заглядывая в лица спящих пассажиров. Наконец показалось, что нашел. Женщина была похожа на врача, такая же полная и кудрявая. Я наклонился к лицу, она неожиданно открыла глаза, и я понял, что ошибся. Отступить было поздно.

Что нужно? – довольно громко спросила разбуженная пассажирка.

Простите, пожалуйста. Мне врач нужен. Не знаете, где искать?

Господи, почему я-то должна знать? Понятия не имею. Проводника сейчас позову.

Так это он меня и послал. Понимаете, там, в туалете жен-

щине плохо стало. Не знаем, жива, не жива.

Женщина поднялась, запахнула халат, нащупала ногами обувь.

Ладно, схожу, посмотрю, может, помочь чем надо. А где врач не знаю. Вроде там гдето. Посмотрите.

Что случилось-то? – шепотом поинтересовался военный с верхней палки.

Да плохо кому-то стало, врача ищут, – разъяснила разбуженная мной попутчица и, поправив еще раз халат, пошла к туалету. В ответ раздалось неясное бурчание.

Я направился дальше. Через купе никого, напоминающего женщину-врача, не оказалось.

Опять ходят. Что вы не спите? Ребенка разбудите, – раздраженно прошипела молодая мама.

Врач нужен.

Не знаю врача, но я медсестра.

Там женщина в туалете. Может, уж умерла. Посмотрите, хотя бы.

А ребенка как оставлю?

Я пригляжу, милая. Сходи, – откликнулась пожилая соседка с полки напротив. – А та врачница сошла. Видела я.

Медсестра прихватила пакет с какими-то свертками, поправила одеяло на малыше и мы пошли.

Хотя я старался действовать тихо, но, как видно, сон в пути чуток. Нас провожали шепотом, поднимаясь с полок и поглядывая в след. Вагон проснулся.

Пока меня не было, женщина пришла в себя. Она качала головой и пыталась что-то сказать, но у нее ничего не получалось. Мы с проводником подхватили больную под руки, приподняли, медсестра, и первая из разбуженных мной пассажирок привели, насколько возможно, в порядок ее одежду.

Надо на место отвести, – предложил я.

А вдруг ей двигаться нельзя? – испуганно прошептала медсестра.

Что же, в туалете так и будем держать? Ничего, доведем потихоньку, – согласился со мной проводник. Скоро станция, вызовем "скорую", пусть разбираются.

Однако легко было сказать "доведем". Первые же шаги показали, что все не так просто. Вагон раскачивало, больная совершенно была не в состоянии передвигать ноги или хотя бы опираться на них, повиснув тюком на нас с проводником. Женщины суетились вокруг, пытались помочь, но узкий проход сводил их усилия на нет.

Так или иначе, до нужной полки мы добрались.

Давление смерить надо, а я не вижу ничего, – медсестра раскрыла пакет, достав стетоскоп.

Да включите вы свет, – уже достаточно громко посоветовал кто-то. Проводник отправился включать свет.

Бедная, – сочувственно вздохнула бабуля. – Говорит, на похороны едет. Внушек у нее... Ох, слезы наши горькие.

Бабушка прижала к глазам концы своего платка, плечи затряслись. Потом она успокоилась, опустила руки и, обратив-

шись к медсестре, спросила:

Теперь ее, наверное, ссодют?

В больницу ей надо, – с сомнением в голосе ответила медсестра, освобождая больной руку и разматывая стетоскоп.

Не надо ей в больницу, милая. К внуку ей надо. Пусть увидит. Не ссаживайте вы ее.

Да что вы говорите? – возмутилась помогавшая нам пассажирка, которую я принял за врача. – А вдруг она умрет? Кто будет отвечать?

Бог он все видит, все знает. Не даст ей умереть, пока с внуком не попрощается. А мешать этому – грех.

В вагоне включили свет, больная лежала на своем месте, тяжело вздыхая и всхрапывая при каждом вздохе. Пассажиры заходили по вагону, зашуршали пакетами, закашляли и заговорили. Где-то проснулся ребенок и спросил: "Мы уже приехали?", детскому голосу ответил женский: "Нет, родная, нет. Долго еще, спи".

Вернулся проводник.

Ну, что тут?

Давление высокое, сердце не в порядке. Что я еще скажу? У меня и нет ничего – валерианка только, да йод с бинтами.

У меня валидол вот есть, – подошла из ближнего купе наша соседка в черной кофте и синих спортивных штанах.

Опасно сейчас таблетки давать. Подавиться может и задохнуться.

Водички вот святой дайте, есть у меня немного, – снова

засуетилась старушка, – Водичкой попоите, ей полегчает. Из ложечки вот, водичкой.

Проводник вопросительно посмотрел на медсестру, та пожала плечами:

От воды беды не будет.

Бабушка встала, развязала сероватый мешочек, достала из него бутылку, прошептала что-то, склонившись к столу, мелко и быстро перекрестилась сама и перекрестила больную, потом, отлив из бутылки меньше половины стакана, обняла ее за голову, ловко приподняв от подушки, и свободной рукой поднесла к губам стакан:

Испей водички, сделай глоточек, святая вода все болезни снимает, все напасти отгоняет.

Она говорила тихо и спокойно, умело вливая в раскрытые губы по несколько капель, дожидаясь, когда больная глотнет, и добавляя еще и еще. Последние капли старушка собрала в ладонь, бережно, как крошки хлеба со стола, не дав упасть ни одной, освободила вторую руку, опустив голову больной на подушку, и стала крестить ее, опуская троеперстие в ладошку. Закончив, вытерла концами платка пальцы, убрала назад в сумку бутылку и заняла свое место на полке. Больная успокоилась, задышала ровнее, хрипы стихли.

И что теперь? – Проводник вопросительно смотрел на медсестру.

Поспать бы ей. А уж утром – в больницу.

Пусть, пусть поспит. Сон, он лечит, – зашелестела тихим

голосом бабушка.

Ладно, тогда гашу свет. – Проводник повернулся и пошел к своему купе. Медсестра наклонилась еще раз к больной, потрогала лоб, потом повернулась к бабушке:

Я утром подойду, – и ушла.

Ложись и ты, сынок, – обратилась старушка ко мне. – Я посижу еще. Старики спят мало. Ложись.

Я забрался на полку, свет погасили, и я сразу уснул.

Отец и мать (дополнительная глава)

Продолжение

В тот вечер они долго сидели на скамейке в сквере напротив дома. Костик уже начал ходить, он собирал какие-то травинки, рассматривал жучков и букашек. Андрей долго молчал, опустив голову. Что надо было говорить и, тем более что делать, он не знал определенно. Ни в какие разговоры с ним Мария не вступала, спать стелила отдельно, объяснений и уверений выслушивать не желала. Наладить отношения не удавалось. Конечно, Катя тоже к ним не заходила.

Она была на последнем месяце, ходила тяжело, часто без причины плакала, измучила и себя, и Дмитрия плохими предчувствиями, страхами, кошмарными снами. Дмитрий уже не знал что делать, ожидая, когда же, наконец, все кончится, и можно будет жить спокойно. Как мог, успокаивал Катерину и Андрей, но от его слов ей становилось только ху-

же.

Не знаю, почему я не уехала сразу же. Все бы было у тебя нормально. Только всю жизнь тебе испортила, – в который раз начала она причитать, с выступившими на глазах слезами.

При чем тут ты? – устало возразил Андрей. – При чем тут ты?

Он и в самом деле не считал, что это Катя всему причиной, интуитивно чувствуя, что был лишь найден повод, глупый, вздорный, совершенно нелепый повод, чтобы разрушить их семью. Но что явилось главной причиной, понять не мог.

Когда три года назад он вернулся домой, решив жить рядом со стареющей матерью, Мария была первой, кто встретил его в родном городе. Он увидел ее сразу, из окна вагона, подъезжающего к платформе. Она стояла в зеленом шелковом платье, с белой косынкой на шее, с цветами в руках, высматривая знакомое лицо в плывущих мимо вагонах. Андрей еще подумал, что вот, повезло кому-то, такая красавица встречает, не предполагая, что этим счастливец окажется сам.

Мария увидела его сразу же, как только Андрей ступил на землю. Она подбежала, раскрасневшаяся и еще более похорошевшая, бросилась на шею, поцеловала в щеку. Он опешил.

Андрейка, как я рада! Мне вчера Александра Константи-

новна сказала, что ты приезжаешь, я напросилась встречать, а она обед готовит, ждет, не дождется. Ну, что застыл? Али не рад? – Она лукаво улыбнулась, на щеках образовались ямочки, а глаза просто сияли. – Ну, скажи же хоть что-нибудь. Ты не был таким молчуном.

Здравствуй, – только и смог произнести вконец растерявшийся парень.

Слава богу, заговорил, – Мария продолжала смеяться, разворошив его голову и, еще раз чмокнув в щеку, взяла под руку и подтолкнула вперед, – а то уж я подумала, что совсем онемел от счастья. Да не стой, пошли.

Он подхватил чемодан, поправил на плече рюкзак и, все еще не придя в себя, послушно пошел.

Такая встреча была тем более неожиданной, что в школе и сразу после нее Андрей не числился у красавицы в друзьях. Они здоровались, иногда перекидывались парой слов, бывало, в общей компании танцевали и веселились, но не более. Его идеалом, его главным в жизни человеком была тогда Катя. Потом, уже в армии, чувство остыло, он думал о "невесте" все реже, да еще тут появилась остроумная хохотушка Аня из ближайшей к части деревни... Марию и вовсе не вспоминал.

Потом мать как-то писала, что у нее в семье не ладно, отец спился, мать пытается работать на нескольких работах, чтобы Мария училась, а у той не шибко учеба идет, из училища отчислили, в институт не поступила, замуж не выходит.

Андрей тогда еще усмехнулся про себя "Вот вам и школьная знаменитость. Надо же", и снова забыл о ее существовании. И вот сейчас...

Они пошли к дому пешком. Стояла весна, середина мая, но было по-летнему тепло. Город тонул в зелени, цвела черемуха, опьяняя своими запахами, сирень акварельными мазками разукрасила сады и палисадники.

У них в городе всегда было много сирени и черемухи. В юности, они лазили по кустам, выискивали непременно счастливые ветки, с большим количеством лепестков в букетах, чтобы тут же съесть счастливый цветок. Их ругали и гоняли, но они мало обращали на это внимания, продолжая свои набеги.

Вот и сейчас сирень манила к себе. Он даже зажмурился на мгновение, словно оказавшись в детстве, и глубоко вздохнул.

Что? Родной воздух пьянит? – хохотнула Мария, освободив его руку. Она подбежала к ближайшему кусту, не глядя, сорвала ветку, усыпанную маленькими цветками, поднесла ее к самым глазам. – Если найду три счастливых цветка, ты на мне женишься! И не отказывайся, все равно будет так, как скажут цветы.

Он остановился, наблюдая, как сосредоточенно рассматривает она цветок за цветком, чуть склонив голову, волосы блестели на солнце, губы шевелились, пальцы быстро скользили по ветке. Ему вдруг захотелось, чтобы цветков было

именно три, чтобы он мог обнимать эти плечи, целовать их, слушать этот смех... Но "счастливых" не оказалось, Мария, нахмурившись, бросила ветку в палисадник и быстро зашагала к дому. Андрей догнал ее и взял под руку.

Что, расстроилась? – весело спросил он.

Надо больно. Нет, значит не судьба. И только.

А если еще ветку поискать? Я не забыл, как это делается.

Не стоит, да и Александра Константиновна волнуется, наоборот.

Они пришли домой вместе, их посадили за стол рядом, Андрей быстро опьянел от встречи с домом, от еды, от водки, все пытался куда-то идти, его не пускали, потом сдался, дал уложить себя на диван и уснул.

Проснулся, когда солнце уже всю властвовало в комнате. Как в детстве, прищурив глаза, он следил за солнечными зайчиками, отражавшимися в зеркале, вдыхал запах цветов, льющийся в открытое окно. На кухне мать стучала кастрюлями, текла вода, на улице мальчишки с криками гонялись друг за другом. Все было как раньше, как тогда, когда он уходил с бритой наголо головой, зажав в руке отцовский рюкзак. Это наполняло таким ощущением счастья и силы, что хотелось одновременно и лежать, наслаждаясь покоем и теплом родного дома, и бежать куда-нибудь по знакомым тропинкам.

В комнату заглянула мать.

Андрюша, ну что ты все лежишь? Завтрак на столе давно. Вставай.

Не хочется, – ответил Андрияша, улыбаясь широкой, во все зубы, улыбкой. Но сразу же встал, натянул штаны и пошел умываться.

Уже за столом, доедая любимую им с детства золотистую пшеничную кашу и прихлебывая крепкий, до черноты, чай, спросил:

А что, Мария здесь часто бывает?

Мария? – удивленно переспросила мать, – А чего ей здесь бывать?

Вчера она сказала, что ты просила меня встретить...

Сама напросилась, а мне что – пусть встречает.

Было видно, что разговор о Марии матери не нравился, она громче застучала посудой, Андрей не стал ничего уточнять. Не спросил он и о Катерине.

Первые дни, наслаждаясь домом и родным городом, он много гулял, разыскав старых друзей. Они обошли любимые с детства места, сбегали на рыбалку, прихватив водку и просидели ночь у костра, а утром благополучно проспали весь клев.

На работу устроился быстро. Его квалификация и опыт электромонтажника были для небольшого химического завода подарком, ему даже дали отдохнуть недельку, "прийти в себя", как сказал полный и вечно потный начальник отдела кадров.

Июнь выдался в тот год особенно жарким, в городе уже с утра нечем было дышать, листья на деревьях поникли,

асфальт проваливался под острыми женскими каблучками. Все основное время молодое население города проводило на речке.

Андрей с удовольствием плескался в прохладной воде, выскакивая на берег, чтобы отдышаться или покурить, и снова уходя под воду. Плавал он великолепно. Даже сибирские реки подчинялись его силе и умелым взмахам рук, что уж говорить об этой спокойной, прячущейся в кустах речушке.

Вынырнув в очередной раз, он заметил на берегу стройную девичью фигуру в ярком купальнике и узнал Марию. Она стояла у самой воды, подставив солнцу не загоревшее еще тело, закрыв глаза и сладко улыбаясь. Андрей как можно тише подобрался к ней, набрал в ладони воды и хотел уже плеснуть, но Мария открыла глаза и счастливо засмеялась:

Привет! Вот ты где, а я уж думала, опять уехал куда. Глаз не кажешь.

Как-то все занят был. А ты хороша! – не сдержался от восхищенного возгласа.

Да? – лукаво повернулась в сторону красавица. – Спасибо за комплимент. Думала, и не заметишь.

Такую как не заметить. Парни вон все головы посворачивали.

А-а-а, – пренебрежительно махнула рукой, – совсем не свернут. Глупые они все. Парни вообще глупые.

Все? Так ли уж все?

Ну, может, за некоторым исключением.

А я попадаю в число исключений?

Пока не знаю. Поживем, увидим.

Хочу быть исключением! – воскликнул Андрей, подхватил Марию на руки и понес в воду.

Ощущение тяжести красивого женского тела в руках, ее дыхание у покрасневшего уха, грудь, прижатая к самому лицу, сводили с ума. Опустив свою "добычу" в воду, бережно, боясь уронить, причинить боль, показаться неловким он какое-то время так и стоял – не было сил расцепить руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.